

Ян Имин до сих пор не мог забыть тот взгляд Дин Цзыму — взгляд, который иначе как свирепым не назовешь. Он помнил его ледяной тон, помнил, как одной рукой Дин Цзыму вцепился в воротник отца того ребенка, а другой, сжав кулак, методично, не обращая внимания на удары и пинки противника, наносил тяжелые, глухие удары прямо по голове.

Конечно, он не мог забыть и то, как Дин Цзыму, подняв на него глаза, холодно произнес:

— Я его не знаю.

Вероятно, все дело было в том, что Дин Цзыму обычно производил впечатление человека до крайности мягкого, и этот контраст с увиденным оказался слишком резким. Именно это противоречие лишь сильнее врезалось в память. Сначала Ян Имину казалось, что это просто минутный приступ ярости, потеря самообладания, но чем дольше он общался с Дин Цзыму, тем больше сомневался в этом выводе.

Что же тогда произошло на самом деле? Что сказал или сделал отец того ребенка, чтобы заставить Дин Цзыму, человека, привыкшего к самоконтролю, вежливого и даже чрезмерно осторожного, сорваться до такой степени?

Дин Цзыму не знал, какие мысли бродят в голове у Ян Имина. Он старательно собирал с пола обрывки бумаги и упаковочную бечевку, аккуратно сортируя то, что еще может пригодиться, и то, что пора выбросить. Сложив последнюю коробку, он отряхнул руки и сказал:

— Учитель Ян, с крупными вещами покончено. Посмотрите, нужно ли еще что-нибудь сделать?

— Еды! — Ян Имин тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли, и серьезно добавил: — Я проголодался. Давай не будем идти в столовую, мы сегодня хорошо поработали, нужно себя вознаградить. Питаться в столовой — это испытание, а не удовольствие, так что пойдем в нормальное кафе.

— Хорошо, — ответил Дин Цзыму. — В прошлый раз вы меня угощали, сегодня моя очередь.

Ян Имин подошел, по-приятельски приобнял Дин Цзыму за плечи и, увлекая его к выходу, проговорил:

— Заставил тебя работать, да еще и платить заставляешь? Дин Цзыму, ты же губишь мою репутацию учителя! Как я теперь людям в глаза посмотрю?

Они пообедали, хотя было уже время полдника. Дождь все не унимался, превратившись в затяжную морось, небо потемнело. Ян Имин завел машину и медленно выехал на дорогу.

— Дин Цзыму, я отвезу тебя домой. На сегодня хватит. Отдохни как следует, завтра уже на работу.

Дин Цзыму помолчал, а потом сказал:

— Учитель Ян, я хотел бы сначала заехать в приют, забрать кое-какие вещи.

— Хорошо, сначала в приют, а потом домой. Дождь идет, дорога плохая, — согласился Ян Имин.

Дин Цзыму промолчал. Ян Имин бросил на него быстрый взгляд, и в глубине души у него зародилось смутное подозрение. Еще утром, встретив Дин Цзыму, он удивился: тот ведь сам говорил, что на семидневные праздники будет занят на работе, так почему сегодня отдыхает? К тому же, судя по словам сторожа, Дин Цзыму ночевал в приюте.

Ян Имин ехал молча, в машине повисла гнетущая атмосфера. Дин Цзыму все больше замыкался в себе, отвернувшись к окну.

Стекло было покрыто каплями дождя, которые, стекая, рисовали причудливые узоры, преломляя блеклый свет фонарей и хаотичные отблески красных стоп-сигналов. Снаружи нервные водители то и дело давили на клаксоны, и этот резкий звук пробивался сквозь закрытые двери, проникая в уши и отдаваясь в голове. Дин Цзыму почувствовал, как участилось сердцебиение, а внутри возникло странное чувство невесомости. Он инстинктивно вцепился в ручку над дверью, чтобы убедиться, что твердо сидит на месте, но ощущение полета становилось лишь сильнее.

Он беспокойно заерзал, глубже вжимаясь в спинку сиденья, и зажмурился, пытаясь успокоиться. Когда он снова открыл глаза, то с ужасом увидел сквозь запотевшее стекло, как перед машиной пробежал ребенок лет восьми-деяти. Внезапно мальчик остановился прямо перед капотом. Его лицо, полное страха и тревоги, проступило сквозь завесу дождя и мутное стекло, став пугающе отчетливым.

Ребенок прижался к лобовому стеклу, почти касаясь его носом, и в упор уставился на Дин Цзыму. В глазах мальчика стояли слезы, но они были мертвыми, безжизненными, словно у покойника.

Дин Цзыму почувствовал, как чья-то рука сжала его горло, пригвоздив к креслу с такой силой, что он не мог даже пошевелиться. В горле застрял крик, не в силах вырваться наружу. Он был вынужден смотреть на этого ребенка, охваченный отчаянием и стоя на грани помешательства.

Он узнал этого ребенка.

Ян Имин включил дворники на полную мощность. На дороге становилось все больше машин. Они находились в южной части города, где местность была низменной и после сильных ливней всегда случались подтопления. Сейчас на асфальте уже стояли огромные лужи. Ян Имин подумал о ветхом домике Дин Цзыму — ситуация там вряд ли была лучше.

Движение было плотным, малейшая оплошность могла привести к аварии. Ян Имин, не отрывая взгляда от дороги, спросил:

— Дин Цзыму, у тебя дома все в порядке? Не затопило?

Тишина.

Ян Имин подождал несколько секунд, но ответа не последовало. Он повторил вопрос громче, но Дин Цзыму снова промолчал. Ян Имин на мгновение обернулся и от увиденного резко ударил по тормозам, из-за чего сзади тут же раздался возмущенный гул клаксонов.

— Дин Цзыму! — рявкнул Ян Имин, включая правый поворотник и медленно прижимаясь к обочине.

Дин Цзыму вздрогнул, словно очнувшись. Перед глазами все поплыло, образ ребенка растворился в водяной дымке на стекле, а невидимая сила, сжимавшая горло, внезапно исчезла. Как только давление пропало, Дин Цзыму судорожно вдохнул, пытаясь заполнить легкие воздухом, и от резкого усилия начал задыхаться в приступе кашля.

Ян Имин видел, как Дин Цзыму затрясло, будто от удара током, как он начал жадно хватать ртом воздух, а затем скрючился в три погибели. Ян Имин не понимал, что произошло, но человек, которого он увидел секунду назад, совсем не был похож на того Дин Цзыму, которого он знал. В тот миг у Дин Цзыму были широко раскрыты глаза, в них читался нескрываемый ужас, ноздри раздувались, а по покрасневшему лицу и побелевшим губам было ясно — он задыхается. Дин Цзыму застыл в неестественной позе, каждый сустав его тела был напряжен до предела.

Словно марионетка без души.

Ян Имин свободной рукой принялся хлопать Дин Цзыму по спине, одновременно до упора выжимая тормоз.

— Что с тобой? — Ян Имин отстегнул ремень безопасности и подался к нему, придерживая за плечи.

Дин Цзыму отмахнулся, он все еще не мог поднять головы, а из глаз непроизвольно текли слезы. Ян Имин приоткрыл окно, впуская прохладный ветер, воздух в машине зациркулировал, и Дин Цзыму, тяжело дыша, начал приходить в себя, губы постепенно обретали естественный цвет.

Ян Имин вытянул из коробки пару салфеток и вложил ему в руку. Вытерев глаза, Дин Цзыму выпрямился.

— Что это было? — спросил Ян Имин, глядя на его покрасневшие глаза.

— Учитель Ян... — Дин Цзыму вцепился в левое запястье Ян Имина. Сжал так сильно, что тот поморщился от боли. Голос Дин Цзыму дрожал, в нем слышалось мольба: — Вы говорили... что у меня нет шизофрении?

— Нет! — твердо ответил Ян Имин. — Дин Цзыму, я не знаю, были ли у тебя симптомы раньше и что будет в будущем, но судя по тому, что я вижу сейчас — это точно не шизофрения.

— Но я снова видел его.

— Кого?

— Не знаю. Мне кажется, я его знаю, мы должны быть очень близки, но я не могу вспомнить. Я только что видел его в машине.

— Ты «видел» его в машине? — с нажимом переспросил Ян Имин, выделяя слово «видел». Ему нужно было точное описание.

— Я правда его видел, — Дин Цзыму не мог перестать дрожать, его взгляд был расфокусирован, но он продолжал говорить, чеканя каждое слово: — Я не понимаю, как это возможно, но я видел его.

— Когда он сел в машину? — осторожно спросил Ян Имин.

— Нет, он не садился. Он просто... внезапно появился. Нет, не так. Это я... я вдруг его увидел. Это опять галлюцинация?

Ян Имин облегченно выдохнул. Рассудок Дин Цзыму был ясен — он мог отличить реальность от галлюцинации.

— Дин Цзыму, все в порядке, не бойся. Как и в прошлый раз — это просто галлюцинация. — Ян Имин обнял его за плечи, прижимая к себе. Дин Цзыму понемногу разжал пальцы на его запястье и тихо произнес: — Учитель Ян, я... я определенно не в порядке.

На этот раз Ян Имин промолчал.

Когда Дин Цзыму успокоился, Ян Имин хотел отвезти его в приют, но тот сказал:

— Забудьте. Лучше домой. Если учитель Фэн узнает, он будет волноваться.

— Ты же хотел забрать вещи в приюте? — напомнил Ян Имин.

Дин Цзыму покачал головой и устало откинулся на спинку сиденья.

Ян Имина терзали сомнения, но он завел мотор и поехал в сторону дома Дин Цзыму. Он был почти уверен, что Дин Цзыму лжет. Что-то случилось — с работой или с домом — то, с чем он не мог справиться в одиночку. Обычно такие состояния не возникают без внешнего раздражителя. Ян Имин очень хотел узнать, что же произошло, и искренне желал ему помочь.

Машина медленно въехала в старый район. Вода на дорогах становилась все глубже. Ян Имин, не отрываясь, следил за дорогой, боясь угодить в глубокую яму, и с огромным трудом припарковался у входа в переулок, где жил Дин Цзыму.

Заглушив двигатель, он сказал:

— Я провожу тебя.

Дин Цзыму медленно поднял голову, словно все еще не до конца пришел в себя. Посмотрев на Ян Имина несколько секунд бессмысленным взглядом, он покачал головой:

— Не нужно, учитель Ян. Я сам дойду.

Ян Имин не стал спорить. Он просто вышел из машины, достал из багажника зонт, раскрыл его и, встав у пассажирской двери, не терпящим возражений тоном произнес:

— Выходи.

Дин Цзыму сидел и смотрел на него снизу вверх. В этой позе он напомнил Ян Имину ту сцену у парка аттракционов, только теперь Дин Цзыму выглядел не как агрессор, а как жертва.

Ян Имин кивнул на выход, и Дин Цзыму послушно выбрался из машины, встав под зонт.

— Пошли, — коротко бросил Ян Имин и потянул его за собой. Дин Цзыму, спотыкаясь, последовал за ним. Переулок становился все уже и запущеннее. Ян Имин осматривал полуразрушенные дворики, заросшие сорняками и мхом, и у него сжималось сердце — он не мог представить, как здесь можно жить.

— Пришли, — Дин Цзыму остановился у маленькой калитки. — Учитель Ян, идите обратно, я справлюсь.

Ян Имин остался стоять на месте. После недолгого противостояния Дин Цзыму, вздохнув, достал ключи и открыл калитку. Двор превратился в сплошное месиво из грязи, посреди которого лежали два кирпича, служившие тропинкой. В воздухе стоял зловонный запах. Дверь в дом была закрыта, но, судя по всему, грязь уже просочилась внутрь через щели.

— Что происходит? — Ян Имин удержал Дин Цзыму, не давая ему войти.

— Несколько дней назад забилась канализация, и все сточные воды пошли обратно. Я обращался к домовладельцу и в комитет жильцов, но им нет дела.

Ян Имин понял: это был очередной способ выжить жильцов. Отключить воду, электричество, кабель, а если не помогает — забить канализацию. Рано или поздно человек сам сбежит.

— Где ты ночевал вчера? — спросил Ян Имин.

— В приюте, — честно ответил Дин Цзыму.

— А сегодня где собираешься?

— В... в приюте.

— А если учитель Фэн узнает, он не расстроится?

Дин Цзыму промолчал.

— Пошли, — Ян Имин ногой захлопнул калитку и потащил Дин Цзыму обратно к выходу из переуллка. — Здесь жить нельзя. Сегодня переночуешь у меня, а там видно будет.

Дин Цзыму открыл рот, чтобы возразить, но Ян Имин перебил его:

— Я не претендую ни на твои деньги, ни на твое тело, и продавать тебя не собираюсь. Чего ты боишься?

Дин Цзыму послушно закрыл рот.

Квартира Ян Имина находилась на другом конце города, в районе современных высоток. Дин Цзыму стоял у двери, долго глядя в одну точку, а потом пробормотал:

— Учитель Ян, это... ваш дом?

— Ага, — Ян Имин небрежно бросил ключи на тумбочку. — Ну как, неплохо, да?

— Да. — Дин Цзыму не знал, что ответить, поэтому невнятно кивнул. Честно говоря, квартира была хорошая. Этот жилой комплекс построили несколько лет назад, планировка была

удачной, и если бы здесь жил обычный человек, было бы очень комфортно. Но Ян Имин открыл здесь психологический кабинет, поэтому гостиная превратилась в приемную: кроме дивана, стеллажа с журналами, комиксами и молодежными романами, там стоял лишь кулер с водой. Пусто, холодно и официально.

— Просторная, — пожал плечами Ян Имин. — Можешь прыгать со скакалкой.

— Вы... и такое читаете? — Дин Цзыму указал на книжную полку, где красовалась книга с названием «Секреты воспитания моей маленькой кошечки-секретарши».

— Моим пациентам от тринадцати до восемнадцати, — пояснил Ян Имин. — Они еще и «Моя любимая наложница — маленькая лисичка императора» читают. Хочешь почитать?

Дин Цзыму инстинктивно отступил на шаг подальше от стеллажа, словно боялся, что его сейчас утащит кошечка или лисичка.

— Иди сюда, дам тебе одежду, — Ян Имин повел его в спальню. Дин Цзыму сделал пару шагов и остановился в дверях.

— Не бойся, заходи, у меня тут без церемоний, — засмеялся Ян Имин. — Хотя приготовься, у холостяка в комнате зрелище не для слабонервных.

Дин Цзыму напрягся, натянуто улыбнулся и вошел.

Слова Ян Имина о «зрелище» были еще мягко сказано — комната напоминала зону бедствия. Одеядо скомкано, одежда валяется на кровати, на полу чашки, повсюду книги и бумаги... Дин Цзыму огляделся и сказал:

— Учитель Ян... вы... очень любите читать.

Ян Имин слегка покраснел. Он выпрямился, стараясь выглядеть невозмутимым, и подошел к шкафу. Перед тем как открыть дверцу, он на секунду задумался — кажется, пару дней назад Ян Шуанмин заходил помочь с уборкой. Он набрался смелости и распахнул дверцу. К счастью, одежда не вывалилась.

— Держи, переоденься, а то твоя совсем промокла, — Ян Имин протянул ему домашний костюм. — Свежевыстиранный, не брезгуй.

Дин Цзыму взял одежду и застыл на месте.

— Ну чего ты? — Ян Имин кивнул на ванную комнату. — Там чисто.

— Я не то имел в виду... — Дин Цзыму проглотил остаток фразы и ушел в ванную.

Ян Имин проводил его взглядом и принялся лихорадочно прибираться. За минуту он умудрился кое-как привести в порядок кровать и письменный стол.

Когда он запихивал стопку бумаг в шкаф, его взгляд упал на книгу Олпорта. Его словно током ударило, и он замер.

В ванной Дин Цзыму переоделся. Костюм был довольно старым, но именно поэтому ткань казалась необычайно мягкой и приятной на ощупь. Это ощущение уюта было тем, к чему он всегда стремился. В детстве он этого был лишен, в приюте мог почувствовать нечто подобное только рядом с учителем Фэном, но, к сожалению, учитель Фэн принадлежал не только ему.

Сейчас, поглаживая старую ткань, он вдруг ощутил самое простое, но самое теплое чувство домашнего уюта.

Дин Цзыму посмотрел в зеркало и увидел чужого человека. Он знал, что с ним что-то не так. Даже если это не шизофрения, то что-то очень близкое.

Дин Цзыму был в отчаянии. Он мог смириться с бедностью, трудностями и даже смертью. В конце концов, по сравнению с его детством, просто жить на солнце, чувствуя свободу — уже огромное счастье. Он хотел постепенно выстраивать свою жизнь, как строят дом: медленно, тяжело, но зато самому распоряжаться своей судьбой, не боясь издевательств и насилия. Он верил, что в будущем будет в безопасности.

Но он никогда не думал, что однажды сойдет с ума!

Он видел сумасшедших. Когда он жил «там», по соседству был один безумец. В сорок с небольшим он выглядел на шестьдесят. Когда приступов не было, он просто сидел у двери, глядя в пустоту, а когда наступали... те отвратительные и невыносимые сцены до сих пор вызывали у него мурашки.

Дин Цзыму открыл кран и плеснул холодной водой в лицо. Он поднял голову и уставился на свое отражение. Молодой, но измученный человек с затравленным взглядом, бледной кожей и видом побитой собаки.

Жизнь, похожая на существование бешеного пса — это не то, чего он хотел. Он лучше...

Ян Имин все еще смотрел на книгу, не в силах пошевелиться. Сердце бешено колотилось, в ушах стоял гул, словно их заложило ватой. Все звуки снаружи доносились как сквозь туман, и лишь одна фраза настойчиво звучала в голове: «Найди интересный клинический случай,

напиши статью — есть все шансы опубликовать ее в журнале провинциального уровня». Это сказал ему Чжоу Пэй, и именно ради этого Ян Имин в свое время взялся за работу в приюте. Хотя он и не тешил себя надеждами на сенсационное открытие, но все же надеялся на появление «классического случая».

Теперь шанс представился. И, возможно, даже лучший, чем он мог мечтать.

Ян Имин зажмурился, заставляя себя успокоиться. Хотя сейчас еще не было ясно, что именно происходит с Дин Цыму, но если исключить физиологические причины, то его состояние было вызвано психическими или психологическими факторами. В любом случае, противоречивый характер, кратковременная амнезия, спутанность памяти — все это было крайне типично и показательно.

<http://bllate.org/book/19775/1948319>